

УСОЛЬЦЕВ АЛЕКСЕИ

ДЕЛО №
17-04/2017

ЗАКРЫТО

ТРЕТИЙ ИСЧЕЗНУВШИЙ

ПРОШЛОЕ НЕ ОТПУСКАЕТ.
НО ПРАВДУ УЖЕ НЕ СПРЯТАТЬ.

СТАРОЕ
УЧИЛИЩЕ

Алексей Усольцев

Третий исчезнувший

<https://litres.ru/74123493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь лет тюрьмы Сергей считал расплатой за собственную ошибку. После освобождения он пытался начать жизнь заново: жена, двое детей, работа и надежда, что прошлое осталось за спиной. Но когда его старый друг Андрей бесследно исчезает, спокойствие рушится.

Все уверены: Андрей связался с опасными людьми и сам виноват. Но Сергей получает странное голосовое сообщение, находит спрятанную флешку и понимает — исчезновение друга связано с делом, из-за которого он когда-то сел. Кто-то много лет скрывал правду. Кто-то управлял их судьбами, используя страх, долги и предательство.

Теперь Сергею придётся узнать, кто из близких был пешкой, кто предателем, а кто всё это время держал их на крючке.

«Третий исчезнувший» — мрачная криминальная драма о трёх друзьях, старой вине и прошлом, которое возвращается, чтобы забрать всё.

Алексей Усольцев

Третий исчезнувший

Третий исчезнувший

Пролог

Они были втроём с первого курса училища.

Трое пацанов, которые когда-то сидели за одной партой, курили за гаражами, спорили о жизни и верили, что впереди у них будет что-то большое. Тогда им казалось, что дружба — это навсегда. Что можно разойтись по разным дорогам, наделать ошибок, упасть, подняться, но всё равно остаться своими.

Сергей, Андрей и Максим.

Их знали почти все. Не потому что они были хулиганами или отличниками, а потому что всегда держались вместе. Где один — там и остальные. На переменах, после занятий, на остановке, у старого магазина возле общежития. Они делили последние деньги, смеялись над глупостями, дрались за своих и строили планы, в которых не было ни тюрьмы, ни предательства, ни исчезновения.

Но жизнь редко спрашивает, чего ты хочешь.

Сергея посадили первым.

Он получил семь лет. Семь долгих лет, за которые человек успевае́т забыть запах свободы, голос старых друзей и даже самого себя прежнего. Когда он вышел, город показался ему чужим. Дома стояли те же, дороги были те же, но люди смотрели иначе. Одни с жалостью, другие с осторожностью, третьи делали вид, что вообще его не знают.

Потом Сергей женился. У него родились двое детей. Кажется, жизнь всё-таки дала ему второй шанс. Он работал, держался, старался не вспоминать прошлое. Но прошлое не всегда приходит само. Иногда его возвращают те, кого ты любил.

Жена изменила ему.

После развода Сергей снова остался один. Только теперь за спиной у него были не только тюрьма и ошибки, но и двое детей, которых он боялся потерять больше всего на свете.

Максим жил иначе. Работал, крутился, встречался с девушкой, позже у него тоже появились дети. Он стал серьёз-

нее, реже выходил на связь, но всё равно иногда встречался с Сергеем и Андреем. Они уже не были теми пацанами из училища, но между ними всё ещё оставалось что-то общее. Что-то, что не стирается годами.

А Андрей будто застрял между прошлым и настоящим.

Он почти каждый день сидел дома. Не стремился ни к большим деньгам, ни к семье, ни к переменам. Говорил мало. Смеялся редко. Иногда пропадал на пару дней, потом появлялся, будто ничего не случилось. Все привыкли к его странностям.

А потом он исчез.

Совсем.

Без записки. Без звонка. Без следа.

Прошёл месяц. Потом второй. Потом полгода. Через год его уже почти перестали искать. В городе говорили разное. Кто-то шептал, что Андрей связался с плохими людьми. Кто-то считал, что он уехал и начал новую жизнь. Кто-то был уверен, что его уже нет в живых.

Но Сергей не верил в простые объяснения.

Потому что за несколько дней до исчезновения Андрей сказал ему одну странную фразу:

— Если со мной что-то случится, не верь никому из наших.

Тогда Сергей решил, что друг просто выпил лишнего.

А теперь эта фраза не давала ему спать.

****Глава 1. Училище****

В училище они попали почти одновременно.

Сергей пришёл туда после девятого класса, злой на весь мир и уверенный, что жизнь должна ему больше, чем дала. Он был резкий, упрямый, мог вспыхнуть из-за одного слова, но при этом никогда не бросал своих. Если он называл кого-то другом, значит, за этого человека мог полезть хоть в огонь.

Андрей был другим. Спокойный, худой, с внимательными глазами. Он редко говорил первым, но всегда всё замечал. Учителя считали его тихим, даже незаметным. Только Сергей быстро понял: Андрей молчит не потому, что ему нечего

сказать. Он просто не тратит слова зря.

Максим оказался между ними. Он умел сглаживать углы, шутить в нужный момент и уходить от проблем там, где Сергей обязательно полез бы напролом. Максим мечтал о нормальной жизни: работа, машина, семья, отпуск раз в год. Он не хотел быть героем. Он хотел просто жить спокойно.

Сначала они не были друзьями.

Сергей сцепился с Максимом уже на второй неделе. Причина была глупая: кто-то занял чужое место в столовой, кто-то грубо ответил, кто-то толкнул плечом. Через минуту они уже стояли друг напротив друга у выхода, сжав кулаки.

— Ну что, поговорим? — спросил Сергей.

— А словами ты умеешь? — ответил Максим.

Сергей усмехнулся и шагнул ближе.

Драки не случилось только потому, что между ними встал Андрей. Он ничего не кричал, никого не хватал за руки. Просто встал и тихо сказал:

— Вы оба сейчас выглядите как два идиота.

Сергей посмотрел на него так, будто собирался ударить уже его.

— Ты кто такой вообще?

— Тот, кто не хочет потом писать объяснительную из-за вашей тупости.

Максим первым рассмеялся. Потом, неожиданно для себя, рассмеялся и Сергей. С этого момента всё и началось.

Они стали держаться вместе. Не сразу, не громко, без клятв и красивых слов. Просто однажды оказалось, что на перемене они стоят втроём. Потом вместе идут после занятий. Потом Сергей зовёт их к себе во двор. Потом Максим приносит старый магнитофон. Потом Андрей впервые рассказывает что-то личное.

У каждого из них дома было не всё гладко.

Сергей часто говорил, что ему нечего терять. Он рос в семье, где крик был обычным языком, а уважение приходилось выбивать. Может быть, поэтому он так рано научился защищаться. Даже тогда, когда никто на него не нападал.

Максим старался казаться весёлым. Но за его улыбкой пряталась усталость. Он рано понял, что никто не принесёт ему готовую жизнь на блюде. Поэтому мечтал быстрее закончить училище, устроиться на работу и выбраться из вечной нехватки денег.

Андрей о себе говорил меньше всех. Он мог слушать часами, но стоило спросить про его семью, как он закрывался. Только однажды, сидя вечером на лавке возле старого спортивного зала, он сказал:

— У меня дома тишина хуже крика.

Сергей тогда не стал расспрашивать. Просто протянул ему сигарету.

Так они и выросли: без мудрых наставников, без красивых дорог, без уверенности в завтрашнем дне. Училище стало для них местом, где они не столько учились профессии, сколько учились держаться за кого-то, кроме себя.

Они обещали друг другу, что не пропадут.

— Даже если жизнь раскидает, — сказал однажды Максим, — всё равно будем встречаться.

— Конечно, — ответил Сергей. — Мы же не какие-то там случайные знакомые.

Андрей тогда долго молчал, а потом сказал:

— Люди пропадают не сразу. Сначала они просто начинают реже звонить.

Сергей махнул рукой.

— Философ нашёлся.

Все засмеялись.

Никто из них тогда не понял, что Андрей сказал правду.

****Глава 2. Ошибка Сергея****

В тот год им казалось, что взрослость начинается где-то далеко.

За дверями училища, после диплома, после первой нормальной работы, после первой своей зарплаты. Они думали, что ещё успеют понять, как правильно жить. Успеют выбрать дорогу. Успеют стать другими.

Но жизнь иногда не ждёт, пока человек будет готов.

Сергей всё чаще пропускал занятия. Сначала по мелочи: не пришёл на первую пару, опоздал после обеда, ушёл раньше. Потом начал исчезать на целые дни. Максим ворчал, Андрей молчал, а преподаватели уже давно махнули рукой.

— Ты доиграешься, — сказал однажды Максим, когда они встретились за училищем.

Сергей стоял у стены, курил и смотрел куда-то мимо него.

— До чего?

— До проблем.

— Проблемы и так есть. Просто одни сидят тихо и делают вид, что всё нормально, а другие пытаются что-то с этим сделать.

Максим нахмурился.

— Ты о чём?

Сергей не ответил. Только затушил сигарету о кирпичную стену и бросил окурочек в снег.

В последнее время он стал другим. Раньше он был резким, но живым. Мог вспылить, мог подраться, мог потом первым протянуть руку. А теперь в нём появилась какая-то холодная злость. Он будто всё время чего-то ждал. Или кого-то.

Андрей заметил это раньше всех.

Он не лез с вопросами, но наблюдал. Видел, как Сергей стал ходить в другой район. Видел, как возле училища его пару раз ждали незнакомые взрослые парни. Видел, как Сергей быстро прятал телефон, когда кто-то подходил слишком близко.

— Ты с кем связался? — спросил Андрей вечером, когда они остались вдвоём.

Сергей усмехнулся.

— С людьми.

— Хорошими?

— Хорошие люди денег не дают.

Андрей долго смотрел на него.

— Значит, плохими.

— Не начинай.

— Я ещё не начинал.

Сергей резко повернулся к нему:

— Ты думаешь, я не понимаю? Думаешь, я совсем тупой? Просто у меня дома жрать иногда нечего. Мать орёт, отчим бухает, денег нет. Мне надоело смотреть, как другие живут нормально, а я должен терпеть.

— Быстрые деньги быстро заканчиваются, — тихо сказал Андрей.

— Зато они хотя бы есть.

После этого они несколько дней почти не разговаривали.

Максим пытался всё сгладить. Он звал их вместе погулять, предлагал сходить в гаражи, посидеть, как раньше. Но прежней лёгкости уже не было. Между ними появилось что-то невидимое. Тонкая трещина. Сначала её не замечаешь, а потом оказывается, что по ней расколосось всё.

В тот вечер Сергей позвонил Максиму сам.

— Вы где?

— Дома, — ответил Максим.

— Андрей с тобой?

— Нет. А что?

— Ничего. Выйдешь?

— Зачем?

На другом конце повисла пауза.

— Надо поговорить.

Максим почувствовал в голосе друга что-то нехорошее.

— Сергей, что случилось?

— Выйдешь или нет?

Максим вышел.

Они встретились у старого магазина, где когда-то втроём пили дешёвую газировку и спорили о будущем. Сергей был в чёрной куртке, без шапки, хотя мороз пробирал до костей. Лицо у него было напряжённое.

— Мне нужна помощь, — сказал он.

— Какая?

— Просто постоишь рядом. Ничего делать не надо.

Максим сразу понял, что надо уходить.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, о чём речь.

— Уже знаю.

Сергей сжал челюсть.

— Максим, мне надо забрать одну вещь. Всё. Без драки. Без крови. Просто забрать и уйти.

— У кого?

— У одного человека.

— Это не помощь. Это статья.

Сергей шагнул ближе.

— Ты мне друг или кто?

Эти слова ударили сильнее, чем крик.

Максим опустил глаза. Он хотел сказать: «Друг, поэтому и не пойду». Хотел сказать: «Друг, поэтому не дам тебе испортить жизнь». Но вместо этого промолчал. Иногда молчание кажется безопаснее правды.

— Я не пойду, — сказал он наконец.

Сергей посмотрел на него так, будто в этот момент что-то между ними умерло.

— Понял.

— Сергей...

— Да всё, понял я.

Он развернулся и ушёл.

Максим ещё долго стоял у магазина. Мороз щипал лицо, руки замёрзли в карманах, но он не двигался. Ему казалось, что он только что предал друга. Хотя на самом деле, может быть, пытался его спасти.

Позже он звонил Сергею несколько раз.

Тот не брал трубку.

Ночью Максим позвонил Андрею.

— Он к тебе не приходил?

— Кто?

— Сергей.

Андрей сразу проснулся окончательно.

— Что случилось?

— Не знаю. Но он во что-то вляпался.

На том конце стало тихо.

— Где ты его видел?

— У магазина.

— Когда?

— Часа два назад.

Андрей выругался, чего почти никогда не делал.

— Надо его найти.

Они встретились через двадцать минут. Шли по дворам, заглядывали в подъезды, звонили общим знакомым. Никто ничего не знал. Или делал вид, что не знает.

Сергей нашёлся только утром.

Вернее, его нашли.

Возле дома, где произошла драка. Как потом говорили, всё пошло не так с самого начала. Сергей пришёл не один. С ним были те самые взрослые парни, с которыми он связался. Они хотели выбить долг. Или забрать товар. Или отомстить.

Каждый рассказывал по-разному.

Правду знали только те, кто был там.

Но один человек оказался в больнице.

А Сергей — в отделе.

Максим и Андрей пришли туда в тот же день. Их не пустили. Они стояли возле здания полиции, не зная, что делать. Андрей молчал. Максим ходил туда-сюда и повторял:

— Я должен был пойти с ним.

— Нет, — сказал Андрей.

— Может, я бы остановил.

— Или сел бы вместе с ним.

Максим остановился.

— А ты бы пошёл?

Андрей не ответил сразу.

Он смотрел на серое здание, на окна, за которыми теперь был их друг. Потом сказал:

— Я бы попытался его не пустить.

— Думаешь, у нас был шанс?

— Не знаю.

Эти два слова повисли между ними тяжело и надолго.

Суд был через несколько месяцев.

К тому времени слухи уже разошлись по всему городу. Кто-то говорил, что Сергей виноват сам. Кто-то жалел его. Кто-то радовался, будто чужая беда делала их собственную жизнь чище. Мать Сергея приходила на заседания с опухшим лицом. Отчим не появился ни разу.

Максим и Андрей сидели в зале почти всегда.

Сергей на них старался не смотреть.

Только в последний день, когда судья зачитывал приговор, он всё-таки повернул голову. На секунду их взгляды встретились. В глазах Сергея не было ни просьбы, ни злости.

Только усталость.

Семь лет.

Словно молоток ударил не по столу, а по их общей жизни.

Мать Сергея заплакала. Максим побледнел. Андрей сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

Сергей стоял спокойно.

Будто уже знал.

Когда его выводили, он на секунду задержался возле них. Конвоир толкнул его в спину, но Сергей успел сказать тихо:

— Не пропадайте.

Максим хотел ответить, но не смог.

Андрей только кивнул.

Потом дверь закрылась.

И их стало двое.

Сначала они часто говорили о Сергее. Обсуждали, как будут писать письма, как поедут на свидание, как дождутся его. Им казалось, что семь лет — это много, но не навсегда. Что дружба выдержит. Что они выдержат.

Но время умеет делать то, чего не делают люди.

Оно не ломает сразу. Оно стирает постепенно.

Через месяц жизнь уже требовала своего. Через полгода каждый привык к отсутствию Сергея. Через год его имя звучало всё реже. Не потому что они забыли. Просто боль стала обычной. А обычную боль люди перестают обсуждать.

Максим устроился на подработку. Андрей стал ещё тише. Училище они закончили уже без Сергея.

На выпуске им выдали дипломы, сказали пару дежурных слов о будущем, сфотографировали у входа. На общей фотографии Максим улыбался, но улыбка была чужая. Андрей стоял рядом, смотрел в объектив спокойно и пусто.

Между ними оставалось место.

То самое место, где должен был стоять Сергей.

После выпускного они пошли к старому магазину. Купили газировку, сели на лавку. Молчали долго.

— Напишем ему? — спросил Максим.

— Напишем, — ответил Андрей.

— Как думаешь, он вернётся прежним?

Андрей посмотрел на тёмные окна училища.

— Никто не возвращается прежним.

Максим хотел возразить, но не стал.

Потому что где-то глубоко уже понимал: Андрей снова сказал правду.

****Глава 3. Семь лет****

Первые письма Сергей получил через месяц после этапа.

Одно было от матери. Неровный почерк, короткие фразы, пятна на бумаге, будто она писала и плакала одновременно. Она спрашивала, как он, тепло ли ему, кормят ли нормально, не обижают ли. Писала, что дома всё по-старому, что отчим

снова запил, что соседи спрашивают про него, а она не знает, что отвечать.

Второе письмо было от Максима и Андрея.

Они писали вместе. Сергей сразу это понял. У Максима были длинные фразы, будто он боялся оставить пустое место на листе. У Андрея — короткие вставки, сухие, но почему-то именно они держали письмо крепче всего.

«Мы не пропали. Училище заканчиваем. У старого магазина всё так же. Твоё место никто не занял».

Сергей перечитал эту строчку несколько раз.

Твоё место никто не занял.

В камере было шумно. Кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то ругался матом из-за пустяка. Железная дверь лязгнула в коридоре, и этот звук прошёл по телу холодом. Сергей сидел на нижней шконке, держа письмо в руках, и впервые за долгое время почувствовал, что где-то там, за стенами, он ещё существует.

Не как номер дела.

Не как осуждённый.

А как человек, которого кто-то помнит.

Первые месяцы он считал дни. Потом недели. Потом перестал. В тюрьме время не идёт прямо. Оно тянется, ломается, застывает, а иногда вдруг пролетает так быстро, что человек пугается: вроде только вчера был суд, а уже прошёл год.

Сергей быстро понял главное: здесь нельзя быть слабым, но и слишком сильным казаться опасно. Нельзя много говорить, но и молчать всё время тоже нельзя. Нельзя доверять каждому, но без людей не выжить. Тюрьма учила не профессии, а осторожности.

Он менялся.

Не сразу. Не красиво. Не так, как меняются герои в книгах, когда вдруг понимают свои ошибки и становятся лучше. Сергей сначала просто злился. На судью. На тех парней, которые тогда были с ним. На Максима, который не пошёл. На Андрея, который не остановил. На мать. На себя.

Особенно на себя.

Ночами он снова и снова прокручивал тот вечер. Что бы-

ло бы, если бы он развернулся у подъезда? Что было бы, если бы не связался с теми людьми? Что было бы, если бы Максим пошёл с ним? Что было бы, если бы Андрей нашёл его раньше?

Но ответы не приходили.

Прошлое не менялось от того, что он грыз его зубами.

Письма от друзей сначала приходили часто. Раз в месяц, иногда чаще. Максим рассказывал обо всём подряд: как они сдали экзамены, как устроился на работу, как сломал телефон, как встретил девушку, как город вроде тот же, но всё равно другой.

Андрей писал редко. Иногда добавлял одну-две строчки в конце письма Максима.

«Держись».

«Не делай глупостей».

«Ты ещё вернёшься».

Сергей ждал именно этих строчек.

Потому что Максим пытался поддержать словами, а Андрей будто ставил подпись под тем, что они всё ещё друзья.

На втором году письма стали приходить реже.

Сергей не обижался сразу. Он сам себе говорил: у них жизнь, работа, дела. Они не обязаны жить его сроком. Они свободные люди. Это он здесь считает дни, а у них там утро, вечер, зарплата, магазины, дороги, девушки, праздники.

Но обида всё равно появлялась.

Сначала маленькая. Потом глубже.

Однажды он не получил письма три месяца. Вроде ничего страшного. Три месяца — не семь лет. Но именно тогда Сергей впервые почувствовал, что его жизнь там, на свободе, начинает стираться. Люди привыкали без него. Двор привык. Училище выпустило новых пацанов. Старый магазин работал. Лавка стояла. А он был где-то далеко, за забором, колючкой и чужими правилами.

В тот день он подрался.

Причина была пустая. Кто-то сказал лишнее. Кто-то толкнул плечом. Сергей ответил. Его скрутили быстро, увели, на-

казали. Потом он сидел один и смотрел в стену.

И вдруг понял: если он продолжит так, то выйдет не человеком, а куском злости.

Эта мысль испугала его сильнее любого срока.

После этого он стал держать себя. Не потому что стал добрым. Не потому что простил мир. Просто понял: если не управлять собой, за тебя это будут делать другие.

Он начал читать.

Сначала от скуки. Потом — чтобы не сойти с ума. Читал всё, что попадалось: старые детективы, книги по психологии, потрёпанные романы, газеты, даже инструкции и законы. Ему нравилось находить фразы, которые будто писали про него.

Больше всего его зацепила одна мысль: человек не обязан оставаться тем, кем был в худший момент своей жизни.

Сергей переписал её на клочок бумаги и спрятал между страницами тетради.

На третьем году пришло письмо от Максима.

«У меня появилась девушка. Зовут Лена. Хорошая. Не знаю, что получится, но с ней спокойно».

Сергей улыбнулся, когда прочитал. Ему было странно радоваться чужому счастью из места, где счастье казалось чем-то выдуманным. Но он радовался. Максим всегда хотел нормальной жизни. Может, хотя бы у него получится.

Андрей в том письме ничего не написал.

Потом Сергей узнал, что Андрей почти не выходит из дома. Работает где-то временно, потом увольняется. С людьми общается мало. Иногда пропадает на несколько дней, потом появляется. Максим писал об этом вскользь, будто боялся признать что-то важное.

«Андрюха стал странный. Но ты его знаешь. Он всегда был сам в себе».

Сергей долго смотрел на эту фразу.

Он знал Андрея.

И именно поэтому понимал: когда такой человек становится ещё тише, это не просто характер.

Это что-то внутри темнеет.

Он написал Андрею отдельное письмо.

«Ты чего там? Максим пишет, что ты дома сидишь. Не закрывайся совсем. Я вот здесь понял одну вещь: в одиночку человек быстро начинает верить своим самым плохим мыслям».

Ответ пришёл через месяц.

Всего полстраницы.

«У меня всё нормально. Не переживай. Это тебе там надо держаться, а не мне. Я просто устал от людей. Они много говорят и мало понимают. Иногда кажется, что лучше вообще ни с кем не связываться. Но я живой. Жду, когда выйдешь».

Сергей перечитал письмо несколько раз.

Слова вроде обычные.

Но между ними была пустота.

Такая, какую он хорошо знал по ночам в камере.

На четвёртом году умерла мать Сергея.

Ему сообщили не сразу. Бумага пришла через администрацию. Несколько сухих строк. Дата. Причина. Похороны уже прошли.

Сергей не заплакал.

Не смог.

Он сидел на шконке, держа листок в руках, и чувствовал только глухой удар внутри. Будто что-то большое оторвалось, но боль ещё не дошла.

Мать была не святой. Она кричала, уставала, часто выбирала не тех мужчин и не те слова. Но она была единственным человеком из семьи, кто писал ему всегда. Пусть коротко. Пусть с ошибками. Пусть иногда только: «Сынок, держись».

И теперь даже этого не осталось.

Вечером Сергей лёг лицом к стене.

Сосед по камере спросил:

— Что, плохие новости?

Сергей ответил:

— Матери больше нет.

Тот помолчал и сказал:

— Тогда молчи. Тут слова лишние.

И впервые за долгое время Сергей был благодарен человеку просто за то, что тот не стал утешать.

После смерти матери он стал другим.

Не мягче. Нет. Просто внутри появилась тишина. Раньше он будто всё время с кем-то спорил. Доказывал, что не сломан, не слаб, не виноват один. А теперь спорить стало не с кем.

Он начал писать детям, которых у него ещё не было. Это было странно, почти смешно. Он сам понимал. Но в тетради появились письма в будущее.

«Если у меня когда-нибудь будет сын, я не буду учить его кулаками».

«Если будет дочь, я скажу ей, что она не должна терпеть плохое отношение».

«Если у меня будет семья, я не принесу туда то, из чего сам хотел сбежать».

Он не знал, сбудется ли это.

Но эти записи держали его лучше, чем обещания.

Максим приезжал к нему два раза.

Первый раз — на третьем году. Неловкий, повзрослевший, в куртке, которая сидела на нём слишком официально. Они сидели друг напротив друга, и между ними был стол, надзиратели, годы, вина и слова, которые трудно произнести.

— Как ты? — спросил Максим.

Сергей усмехнулся.

— Отлично. Курорт.

Максим опустил глаза.

— Я часто думаю о том вечере.

— Не надо.

— Надо.

Сергей посмотрел на него внимательно.

— Ты правильно сделал, что не пошёл.

Максим поднял голову.

— Я тогда думал, что предал тебя.

— Предал бы, если бы пошёл и помог.

Эти слова дались Сергею тяжело. Но он сказал правду. Может быть, впервые без злости.

Максим долго молчал. Потом тихо произнёс:

— Мы тебя ждём.

Сергей хотел спросить: «Кто — мы?» Хотел спросить про Андрея, про их старое место, про то, осталось ли там хоть что-то от прежней жизни. Но вместо этого только кивнул.

Второй раз Максим приехал уже ближе к концу срока.

Он выглядел совсем взрослым. Уставшим, но собранным. Рассказал, что Лена беременна. Что он боится, но рад. Что денег не хватает, зато есть ради чего стараться.

— Ты отцом станешь, — сказал Сергей.

Максим улыбнулся.

— Сам в шоке.

— Хорошим будешь?

— Постараюсь.

— Постараться мало.

Максим посмотрел на него и понял, что Сергей говорит не с упрёком. Он говорит как человек, который слишком хорошо знает, что бывает, когда отец есть только по документам.

— Буду хорошим, — сказал Максим уже серьёзно.

Андрей ни разу не приехал.

Сначала Сергей злился. Потом оправдывал его. Потом снова злился. Письма от него приходили редко, иногда совсем короткие.

«Не могу приехать».

«Денег нет».

«Не хочу смотреть на тебя там».

Последняя фраза была самой честной.

Сергей долго не понимал, обидеться ему или простить. Потом решил, что у каждого свой страх. Кто-то боится тюрьмы. Кто-то — больницы. Кто-то — смотреть другу в глаза и видеть, что жизнь может сломаться в один вечер.

На шестом году Сергей уже почти не считал срок.

Он знал, что скоро выйдет. Это должно было радовать. Но чем ближе становилась свобода, тем сильнее внутри рос страх.

Тюрьма страшна, когда в неё попадаешь.

Но выходить тоже страшно.

Там, за воротами, нужно снова стать человеком. Не заключённым, которому говорят, когда вставать, есть, работать и спать. А человеком, который сам решает, куда идти. И это пугало.

Сергей боялся, что не найдёт работу.

Боялся, что люди будут видеть в нём только судимость.

Боялся встретить старых знакомых.

Боялся не узнать город.

Боялся, что Максим и Андрей за эти годы стали чужими.

Боялся, что сам стал чужим для себя.

За неделю до освобождения ему приснилось училище.

Он стоял в коридоре, где пахло краской, пылью и дешёвой столовой. Максим смеялся у окна. Андрей сидел на подоконнике и смотрел в телефон. Сергей хотел подойти к ним, но ноги не двигались.

Потом Андрей поднял голову и сказал:

— Ты опоздал.

Сергей проснулся до подъёма.

Сердце стучало так, будто он бежал.

В день освобождения было серое утро.

Ни солнца, ни дождя. Просто тяжёлое небо, мокрый асфальт и воздух, который пах свободой совсем не так, как Сергей себе представлял. Он думал, что свобода пахнет весной, ветром, бензином, горячим хлебом, чем угодно живым.

А она пахла сыростью и железом.

Ему вернули вещи. Старые, чужие уже. Документы. Небольшую сумку. Несколько тетрадей. Тот самый клочок бумаги с фразой, которую он хранил все годы.

Человек не обязан оставаться тем, кем был в худший момент своей жизни.

Когда ворота открылись, Сергей не сразу шагнул вперёд.

Семь лет он мечтал выйти.

А теперь стоял и боялся сделать первый шаг.

За воротами его ждал Максим.

Один.

Сергей заметил это сразу, но ничего не сказал.

Максим стоял у машины, нервно теребил ключи и пытался улыбаться. Он изменился. Лицо стало взрослее, плечи шире, взгляд серьёзнее. Но улыбка была всё та же — немного виноватая, немного добрая.

— Ну что, — сказал Максим. — С возвращением.

Сергей подошёл ближе.

Они не обнялись сразу. Сначала просто стояли друг напротив друга. Слишком много лет, слишком много молчания.

Потом Сергей сам шагнул вперёд и крепко обнял друга.

Максим выдохнул так, будто всё это время держал воздух

в груди.

— Андрей? — спросил Сергей, отпустив его.

Максим отвёл взгляд.

— Не смог.

— Понятно.

— Он хотел. Просто...

— Понятно, — повторил Сергей.

Но понятно ему не было.

Они сели в машину. Максим завёл двигатель. Несколько минут ехали молча. За окном проплывали дома, остановки, магазины, люди. Город был знакомым и чужим одновременно. Где-то покрасили фасады. Где-то снесли старые киоски. Где-то появились новые вывески. А где-то всё осталось таким же, и от этого было ещё больше.

— Куда сначала? — спросил Максим.

Сергей посмотрел в окно.

Домой ему было некуда.

Мать умерла. Квартира давно перешла отчиму, а видеть его Сергей не хотел. Старые знакомые либо исчезли, либо стали теми, кого лучше обходить стороной.

— К Андрею, — сказал он.

Максим напрягся.

— Может, позже?

Сергей повернулся к нему.

— Почему позже?

— Он сейчас... не в лучшем состоянии.

— Пьёт?

— Нет. Не то.

— Наркота?

— Да нет же.

— Тогда что?

Максим долго молчал.

— Он почти ни с кем не общается. Сидит дома. Иногда выходит, иногда нет. Работы нормальной нет. Родные с ним почти не разговаривают. Я пытался его вытаскивать, но он как будто сам себя закрыл изнутри.

Сергей слушал молча.

Потом сказал:

— Значит, поедem к нему.

Максим хотел возразить, но не стал.

Они остановились у старой пятиэтажки. Подъезд был обшарпанный, дверь скрипела так же, как раньше. Сергей поднялся по лестнице медленно. На третьем этаже остановился перед знакомой дверью.

Максим позвонил.

Тишина.

Позвонил ещё раз.

За дверью что-то шевельнулось. Потом слышались шаги.

Дверь открылась не сразу.

Андрей стоял на пороге худой, небритый, в растянутой футболке. Его глаза были такими же внимательными, как раньше. Только теперь в них было что-то тяжёлое.

Он посмотрел на Сергея.

Сергей посмотрел на него.

Семь лет исчезли на одну секунду.

А потом Андрей тихо сказал:

— Вернулся всё-таки.

Сергей попытался улыбнуться.

— Я же обещал.

Андрей отошёл в сторону, пропуская их в квартиру.

— Заходите.

Квартира пахла пылью, холодным чаем и закрытыми окнами. На столе стояла кружка, рядом лежали какие-то бумаги, старый телефон, пачка сигарет. Шторы были задвинуты, хотя день ещё не закончился.

Сергей вошёл и вдруг понял: тюрьма бывает не только за забором.

Иногда человек сам строит себе камеру.

Только без охраны.

Без срока.

И без даты освобождения.

****Глава 4. После ворот****

Первые дни на свободе Сергей почти не спал.

Он думал, что после тюрьмы будет спать сутками. Что тело наконец расслабится, голова отпустит тревогу, а тишина

перестанет казаться подозрительной. Но всё вышло наоборот.

Каждый шорох заставлял его открывать глаза.

В квартире, где Максим временно разрешил ему пожить, было слишком тихо. Не было шагов в коридоре, лязга железа, чужого кашля за стеной, команд, подъёма, проверки. Никто не говорил, когда есть, когда работать, когда спать. Свобода оказалась не праздником, а огромной пустой комнатой, в которой Сергей не знал, куда поставить самого себя.

Максим устроил его на диване в маленькой комнате. Сам жил с Леной и ребёнком в соседней. Сыну Максима было чуть больше года. Он ходил по квартире неуверенными шагами, хватался за мебель и смеялся так громко, будто в мире не существовало ни сроков, ни судов, ни предательства.

Сергей сначала держался от ребёнка подальше.

Он боялся.

Не детей вообще, а того, что внутри него слишком много тяжёлого. Ему казалось, что ребёнок это почувствует. Увидит в нём не дядю Серёжу, а человека с прошлым, которое нельзя просто оставить за воротами.

Но однажды мальчик сам подошёл к нему и протянул игрушечную машинку.

Сергей сидел на диване, не зная, что делать.

— Бери, — улыбнулась Лена с кухни. — Он делится. Это у него редко бывает.

Сергей осторожно взял машинку.

Мальчик засмеялся, забрал её обратно и убежал.

В груди у Сергея что-то болезненно сжалось.

В тот вечер он долго смотрел на свои руки. Эти руки дрались, работали, держали тюремную кружку, писали письма, сжимали кулаки от злости. И вдруг он подумал: а могли бы они когда-нибудь держать собственного ребёнка?

Эта мысль испугала его и согрела одновременно.

Работу найти оказалось сложнее, чем он хотел себе признаться.

Сергей ходил по объявлениям, звонил, встречался, рас-

сказывал коротко и честно. Сначала всё шло нормально: крепкий мужчина, руки на месте, работать готов. Но как только всплывала судимость, лица людей менялись.

Кто-то говорил прямо:

— Нам такие не нужны.

Кто-то вежливо обещал перезвонить.

Кто-то смотрел так, будто Сергей уже украл у него что-то со склада.

После пятого отказа он вышел на улицу и едва не сорвался. Хотел ударить кулаком по стене, закричать, послать всё к чёрту. Но остановился. Вспомнил клочок бумаги, который всё ещё лежал в его тетради.

Человек не обязан оставаться тем, кем был в худший момент своей жизни.

— Красиво написано, — тихо сказал Сергей сам себе. — Только жить по этому тяжело.

Первую работу ему нашёл Максим.

Склад на окраине города. Небольшая зарплата, тяжёлые смены, начальник с лицом человека, который никому не верил. Но Сергей согласился сразу.

— Не подведёшь? — спросил начальник, глядя ему прямо в глаза.

Сергей выдержал взгляд.

— Нет.

— Мне Максим за тебя слово сказал.

— Зря он словами не бросается.

Начальник хмыкнул.

— Посмотрим.

Сергей работал молча. Приходил раньше всех, уходил последним, не спорил, не жаловался. Тело болело после первых смен так, будто его били. Но эта боль была честной. За неё платили деньги. За неё не давали срок. От неё можно было устать и уснуть без стыда.

Иногда после работы он встречался с Максимом.

Они сидели во дворе, пили чай из пластиковых стаканчиков или просто молчали. Разговоры стали другими. Раньше они спорили о будущем, теперь осторожно обходили прошлое.

— К Андрею заходил? — спросил однажды Максим.

Сергей кивнул.

— Заходил.

— И как он?

— Плохо.

Максим вздохнул.

— Я не знаю, что с ним делать.

— А с ним не надо ничего делать. Надо быть рядом.

— Я пытался.

— Значит, плохо пытался.

Максим посмотрел на него устало.

— Серёг, у меня работа, Лена, ребёнок. Я не могу каждый день вытаскивать взрослого мужика из квартиры.

Сергей хотел ответить резко, но промолчал. Максим был прав. И именно это раздражало сильнее всего.

На следующий день Сергей снова пошёл к Андрею.

Дверь открылась не сразу. За ней долго шуршали замки, будто Андрей решал, впускать ли не гостя, а саму жизнь.

— Ты чего так долго? — спросил Сергей.

— Спал.

— Сейчас три часа дня.

— Значит, хорошо спал.

Сергей вошёл без приглашения. Квартира стала ещё мрачнее. На подоконнике стояли пустые банки из-под кофе, на полу валялись старые газеты, воздух был тяжёлый.

— Окно открой, — сказал Сергей.

— Не командуй.

— А ты не тухни.

Андрей усмехнулся.

— Семь лет отсидел и теперь решил всех спасти?

Сергей остановился.

— Нет. Себя бы спасти.

Андрей посмотрел на него внимательнее. На секунду в его глазах мелькнул прежний Андрей — тот, который видел людей насквозь и говорил мало, но точно.

— Тогда зачем пришёл?

— Потому что ты мой друг.

— Это привычка.

— Может быть.

— Привычки надо бросать.

Сергей сел напротив него.

— Некоторые — нет.

Они молчали долго. Потом Андрей достал две кружки, налил чай. Чай был горький, почти холодный, но Сергей выпил.

— Максим говорит, ты иногда пропадаешь, — сказал он.

Андрей пожал плечами.

— Гуляю.

— Где?

— По городу.

— С кем?

— Один.

— Врёшь.

Андрей поднял глаза.

— Ты семь лет сидел. Не думай, что теперь всё знаешь.

— А ты семь лет жил на свободе, но выглядишь так, будто сидел вместе со мной.

Эти слова попали больно.

Андрей резко встал, подошёл к окну, отдернул штору. В комнату ударил тусклый дневной свет.

— Ты не понимаешь, Серый.

— Объясни.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что если начну объяснять, придётся признать, что всё хуже, чем я сам себе говорю.

Сергей не стал давить. Он хорошо знал это состояние. Когда человек ещё держится только потому, что не произносит правду вслух.

Через неделю Сергей встретил Ирину.

Это случилось в обычном продуктовом магазине возле склада. Он зашёл после смены купить хлеб, молоко и пачку макарон. Стоял у кассы, считал мелочь, когда сзади услышал:

— У вас пакет порвался.

Он обернулся.

Девушка с тёмными волосами держала в руках яблоко, которое выпало из его пакета. У неё были спокойные глаза и улыбка без насмешки. Сергей машинально забрал яблоко.

— Спасибо.

— Вы, кажется, очень устали.

— Это заметно?

— Только если смотреть.

Он не знал, что ответить. В тюрьме он отвык от простых разговоров. Там любое слово могло иметь второй смысл. А здесь девушка просто стояла рядом и улыбалась.

— Работа такая, — сказал он.

— Плохая?

— Честная.

— Это уже много.

Эта фраза почему-то осталась с ним.

Потом они встретились снова. В том же магазине. Потом ещё раз — на остановке. Потом Ирина сама заговорила с ним дольше. Она работала в аптеке, жила с матерью, любила читать по вечерам и не задавала лишних вопросов. Сергей сначала держался осторожно. Не потому что не хотел общения, а потому что боялся испортить то небольшое светлое, что случайно появилось рядом.

О своём прошлом он сказал ей почти сразу.

Они сидели на лавке возле остановки. Был тёплый вечер, редкий для этого города. Машины проезжали мимо, где-то смеялись подростки, пахло пылью и цветущими деревьями.

— Я сидел, — сказал Сергей.

Ирина не переспросила.

Только посмотрела на него внимательно.

— Давно вышел?

— Недавно.

— За что?

Сергей сжал руки.

— Драка. Плохая компания. Глупость. Не хочу оправдываться.

— А я не прошу.

— У меня семь лет из жизни нет.

— Они есть, — сказала Ирина. — Просто другие.

Сергей усмехнулся.

— Ты слишком спокойно говоришь.

— А что мне сделать? Встать и уйти?

Он не ответил.

Ирина немного помолчала, потом сказала:

— Я не знаю, какой ты был. Я вижу, какой ты сейчас. Этого пока достаточно.

Пока.

Это слово было честным. Не обещание навсегда. Не красивая сказка. Просто шанс.

И Сергей за этот шанс ухватился.

С Ириной он становился тише. Не слабее, нет. Просто рядом с ней ему не нужно было всё время доказывать, что он выдержал. Она не смотрела на него как на бывшего заключённого. Не жалела, не боялась, не пыталась исправить. Она могла молча поставить перед ним чашку чая и сесть рядом. Иногда этого было больше, чем длинные разговоры.

Максим обрадовался, когда узнал.

— Нормальная?

— Нормальная.

— Красивая?

Сергей посмотрел на него.

— Тебе зачем?

Максим рассмеялся.

— Всё, понял. Значит, красивая.

Лена тоже быстро приняла Ирину. Женщины нашли общий язык, и иногда они все встречались вместе. Максим с Леной, Сергей с Ириной, ребёнок бегают рядом. В такие моменты Сергею казалось, что жизнь всё-таки может быть обычной. Не счастливой как в кино, а обычной: работа, ужин, разговоры, усталость, планы на завтра.

Только Андрей всё чаще не приходил.

Его звали. Сначала настойчиво, потом осторожнее. Он обещал, что будет, но в последний момент писал короткое сообщение: «Не получится». Или вообще не отвечал.

Однажды Сергей всё-таки привёл Ирину к нему.

Андрей открыл дверь, увидел их и сразу будто закрылся лицом.

— Я не знал, что ты не один.

— Теперь знаешь, — сказал Сергей. — Это Ирина.

— Андрей, — представился он сухо.

Ирина улыбнулась.

— Сергей много о вас рассказывал.

— Зря.

— Почему?

— Люди обычно рассказывают не то, что было, а то, что хотят помнить.

Ирина не обиделась.

— Может быть. Но иногда это тоже важно.

Андрей посмотрел на неё с интересом, будто не ожидал

спокойного ответа.

Они посидели недолго. Андрей почти не говорил, но слушал. Когда Сергей вышел на кухню, Ирина осталась в комнате с Андреем на пару минут. Потом догнала Сергея в коридоре и тихо сказала:

— Ему очень плохо.

— Знаю.

— Нет. Ты думаешь, что знаешь. А ему будто уже всё равно, найдут его завтра живым или нет.

Сергей резко посмотрел на неё.

— Не говори так.

— Я не пугаю тебя. Просто он не должен оставаться один.

С того дня Сергей начал приходить к Андрею чаще.

Иногда Андрей открывал. Иногда нет. Иногда они разговаривали почти нормально, вспоминали училище, смеялись над старыми историями. Иногда Андрей сидел молча, и Сергей просто находился рядом. Приносил еду, сигареты, чи-

стил раковину от грязной посуды, ругался, открывал окна.

— Ты как бабка, — сказал однажды Андрей.

— А ты как дед, который решил умереть раньше пенсии.

Андрей впервые за долгое время рассмеялся.

Этот смех был коротким, хриплым, но живым.

Сергей тогда подумал, что всё ещё можно вытащить.

Он часто ошибался в жизни.

И в этот раз тоже хотел верить, что не ошибается.

Прошёл год после освобождения.

Сергей снял маленькую комнату, потом переехал к Ирине. Работал на складе, подрабатывал грузчиком, копил деньги. Иногда прошлое возвращалось: в чужом взгляде, в резком звуке, в ночном сне. Но теперь рядом была Ирина, и утро становилось легче.

Однажды она сказала:

— Я беременна.

Сергей долго молчал.

Так долго, что Ирина испугалась.

— Ты ничего не скажешь?

Он сел на край кровати, закрыл лицо руками.

— Я боюсь.

— Я тоже.

— Я не знаю, каким должен быть отец.

Ирина села рядом.

— Значит, будем учиться.

Он посмотрел на неё. В глазах у него стояли слёзы, но он не плакал. Не умел ещё. Или не позволял себе.

— Я не хочу быть как мой отчим.

— Тогда уже не будь.

Сергей впервые за много лет почувствовал не просто надежду, а ответственность. Не ту, что давит к земле, а ту, что заставляет стоять крепче.

Сын родился зимой.

Маленький, красный, громкий. Сергей взял его на руки и замер. Ребёнок был таким лёгким, что казалось — одно неловкое движение, и он исчезнет. Но сын лежал у него на руках, морщился, дышал, жил.

— Как назовём? — спросила Ирина усталым голосом.

Сергей посмотрел на ребёнка.

— Миша.

— Почему Миша?

— Не знаю. Просто хорошее имя.

На самом деле он знал.

Когда-то в тюрьме рядом с ним сидел пожилой мужчина по имени Михаил. Он научил Сергея не отвечать злостью на

каждую искру и однажды сказал: «Сильный не тот, кто всех ломает. Сильный тот, кто себя удержал».

Сергей это запомнил.

Когда родилась дочь, спустя два года, Сергей уже меньше боялся держать ребёнка на руках. Девочку назвали Аней. Она была тихая, смотрела серьёзно, будто с первых дней что-то понимала про этот мир.

У Сергея появилась семья.

Настоящая.

С утра он уходил на работу, вечером возвращался домой, где пахло супом, детским кремом, стиркой и усталостью. Миша бежал к нему, цеплялся за ногу. Аня тянула руки. Ирина улыбалась с кухни, иногда измученная, иногда раздражённая, но родная.

Сергей думал: вот оно.

Не богатство. Не большая квартира. Не новая машина.

А просто место, куда хочется возвращаться.

Максим тоже жил своей жизнью. У него родился второй ребёнок. Работа стала стабильнее. Он часто уставал, но держался. Они с Сергеем виделись реже, но без обиды. Так бывает у взрослых: дружба не исчезает, просто между встречами появляется работа, дети, кредиты, болезни, ремонты, покупки, семейные дела.

Андрей на эти встречи почти перестал приходить.

Сергей иногда заходил к нему с детьми. Миша называл Андрея «дядя Дей». Андрей сначала морщился, потом привык. Даже однажды подарил ему старую игрушечную машинку, которую нашёл в шкафу.

— У тебя дети хорошие, — сказал он Сергею.

— А ты заведи своих.

Андрей покачал головой.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Я сам себе иногда лишний.

Сергей хотел возразить, но не нашёл слов.

Время шло.

Снаружи всё выглядело почти нормально. Сергей работал, растил детей, иногда встречался с Максимом, иногда вытаскивал Андрея из его тёмной квартиры. Люди во дворе уже привыкли к нему. Кто-то перестал шептаться за спиной. Кто-то начал здороваться первым.

Но прошлое не исчезло.

Оно просто отошло в тень.

И ждало.

Сергей понял это в тот вечер, когда возвращался с работы и увидел у подъезда человека из своей старой жизни.

Тот стоял возле машины, курил и улыбался так, будто они расстались вчера.

— Здорово, Серый, — сказал он. — Давно не виделись.

Сергей остановился.

Внутри всё похолодело.

Он узнал его сразу.

Вадим.

Один из тех, с кем он тогда пошёл за быстрыми деньгами.

Один из тех, после кого Сергей получил семь лет.

— Нам не о чем говорить, — сказал Сергей.

Вадим усмехнулся.

— Ошибаешься. Как раз теперь есть о чём.

Сергей посмотрел на окна своей квартиры. Там горел свет. Там были Ирина, Миша, Аня. Его новая жизнь.

А напротив стоял человек, который пах прошлым.

— Уходи, — сказал Сергей тихо.

— Я уйду. Сегодня. Но ты подумай.

— О чём?

Вадим затушил сигарету о подошву ботинка.

— О том, что некоторые долги сроком не закрываются.

Он сел в машину и уехал.

Сергей ещё долго стоял у подъезда, не двигаясь.

В тот вечер он впервые не сказал Ирине правду.

Она спросила:

— Всё нормально?

Он ответил:

— Да. Просто устал.

Ирина поверила.

А может, сделала вид.

Сергей лёг рядом с ней, слушал дыхание детей за стеной и понял: новая жизнь не начинается один раз. Её приходится защищать каждый день.

Иногда — от других.

Иногда — от себя.

А иногда — от тех, кто помнит тебя таким, каким ты больше не хочешь быть.

****Глава 5. Долги прошлого****

После встречи с Вадимом Сергей несколько дней ходил сам не свой.

Он старался вести себя как обычно. Утром вставал раньше всех, тихо пил чай на кухне, чтобы не разбудить детей, уходил на работу. Вечером возвращался, помогал Ирине купать Аню, проверял у Миши рисунки, выносил мусор, чинил то кран, то розетку, то старый стул, который давно пора было выбросить.

Снаружи всё было нормально.

Но внутри словно снова закрылась железная дверь.

Сергей ловил себя на том, что чаще смотрит в окно. Прислушивается к шагам на лестнице. Проверяет, заперта ли

дверь. Запоминает машины у подъезда. Если кто-то незнакомый долго стоял во дворе, Сергей напрягался всем телом.

Ирина заметила это быстро.

Она вообще многое замечала, даже когда молчала.

— Ты что-то скрываешь, — сказала она однажды вечером.

Дети уже спали. На кухне горела маленькая лампа. За окном шёл мокрый снег, стекло было чёрным и холодным.

Сергей сидел за столом, крутил в руках ложку.

— Ничего.

— Серёжа.

Он не любил, когда она называла его так в такие моменты. Не Сергей, не Серый, а именно Серёжа. Мягко, но так, будто ложь сразу становилась видна.

— Просто устал, — сказал он.

Ирина села напротив.

— Ты устал не телом.

Он поднял на неё глаза.

— Какая разница?

— Большая. Когда ты устаёшь телом, ты приходишь, ешь и засыпаешь. А сейчас ты будто ждёшь, что кто-то войдёт в дверь.

Сергей хотел сказать, что ей кажется. Хотел улыбнуться, обнять, перевести разговор. Но сил на это не было.

— Я встретил одного человека, — произнёс он наконец.

Ирина замерла.

— Из прошлого?

— Да.

— Из того прошлого?

Сергей кивнул.

Она долго молчала. Не кричала. Не обвиняла. Просто

смотрела на него, и от этого было хуже.

— Он тебе угрожает?

— Пока нет.

— Что значит “пока”?

Сергей отложил ложку.

— Он сказал про долги.

— Какие долги?

— Старые.

— Ты кому-то должен деньги?

— Нет.

— Тогда что?

Сергей потёр лицо руками. Объяснить было трудно. Не потому что он не знал слов. А потому что некоторые вещи, сказанные вслух, становятся ближе.

— Там были люди, из-за которых я сел. Вернее, не из-за которых. Я сам виноват. Но они были рядом. Они вышли сухими. Я получил срок.

— И теперь они появились?

— Один из них.

— Чего он хочет?

— Не знаю.

— А ты собираешься узнать один?

Сергей промолчал.

Ирина встала из-за стола.

— Вот это меня и пугает.

— Я не хочу втягивать тебя.

— Поздно. У нас двое детей. Всё, что касается тебя, касается нас.

Он резко поднял глаза.

— Я вас защищаю.

— Нет, — тихо сказала она. — Ты нас отталкиваешь и называешь это защитой.

Эти слова ударили точно.

Сергей хотел возразить, но понял, что она права. В тюрьме он научился держать удар один. На свободе это умение иногда становилось болезнью.

На следующий день Вадим позвонил.

Номер был незнакомый. Сергей взял трубку уже на улице, возле склада.

— Слушаю.

— Ну что, подумал?

Голос Вадима был спокойный, даже весёлый.

— Я сказал: нам не о чем говорить.

— А я сказал: есть о чём.

— Говори по телефону.

— Нет. Такие разговоры по телефону не ведут.

— Тогда разговора не будет.

Вадим усмехнулся.

— Ты стал слишком правильный, Серый. Семья, работа, дети. Прямо человек с обложки.

— Чего тебе надо?

— Встретиться.

— Зачем?

— Узнаешь.

— Нет.

Пауза.

Когда Вадим заговорил снова, голос у него стал холоднее.

— Ты думаешь, если семь лет отсидел, то всё закончилось? Не закончилось. Некоторые люди помнят, кто тогда молчал, кто говорил, кто что взял и кто кому остался должен.

— Я ничего тебе не должен.

— Мне — может, и нет.

Сергей сжал телефон так, что побелели пальцы.

— Не звони сюда больше.

Он сбросил вызов.

Но спокойнее не стало.

Вечером Сергей поехал к Максиму.

Максим открыл дверь в домашней футболке, с ребёнком на руках и усталым лицом человека, которого жизнь каждый день проверяет на прочность.

— Ты чего без звонка?

— Поговорить надо.

Максим сразу понял, что разговор будет не про работу и не про детей.

— Заходи.

Они вышли на балкон, чтобы не мешать семье. Было холодно. Максим прикрыл дверь, достал сигареты, потом вспомнил, что бросил, и убрал пачку обратно.

— Что случилось?

— Вадима видел.

Максим побледнел.

— Того самого?

— Да.

— Где?

— У подъезда.

— Чего хотел?

— Говорит, долги какие-то.

Максим отвернулся к окну.

— Вот же гад.

— Ты что-то знаешь?

— Нет.

— Максим.

Тот долго молчал. Потом сказал:

— После того, как тебя посадили, они ещё какое-то время крутились в городе. Потом пропали. Слухи были разные. Кто-то говорил, что они кого-то кинули. Кто-то — что сами попали под серьёзных людей.

— И?

— И всё. Я не лез.

— А Андрей?

Максим напрягся.

— Что Андрей?

— Он с ними общался?

— Не знаю.

Сергей внимательно посмотрел на друга.

— Ты врешь плохо.

Максим выдохнул.

— Я не знаю точно. Понимаешь? Не знаю. Но пару раз я видел Андрея с людьми, которые могли быть связаны с Вадимом.

— Когда?

— Уже после твоего освобождения. Может, год назад. Может, меньше.

— Почему не сказал?

— А что бы я сказал? “Сергей, твой друг, кажется, общается с мутными людьми”? Ты бы сразу пошёл к нему, начал давить, а Андрей закрылся бы ещё сильнее.

— Может, так и надо было.

— Может.

Они замолчали.

За стеклом балкона город жил своей обычной жизнью. Горели окна. Кто-то нёс пакеты из магазина. Во дворе женщина звала ребёнка домой. Всё выглядело спокойно. Только Сергей знал, как обманчива бывает спокойная картинка.

— Надо поговорить с Андреем, — сказал он.

— Только аккуратно.

— Я по-другому не умею.

— Вот именно.

Андрей открыл дверь только после пятого звонка.

На нём была старая кофта, волосы растрёпаны, лицо серое. Он посмотрел на Сергея, потом на Максима за его спиной.

— Что, комиссия приехала?

— Вадима знаешь? — сразу спросил Сергей.

Лицо Андрея почти не изменилось.

Но Сергей заметил.

Заметил, как дрогнули глаза. Как пальцы сильнее сжали край двери. Как он на секунду задержал дыхание.

— Знал, — сказал Андрей.

— Когда?

— Давно.

— Не играй со мной.

Андрей усмехнулся.

— А ты пришёл командовать?

— Я пришёл понять, во что ты влез.

— Я ни во что не влез.

— Врёшь.

Максим тихо сказал:

— Андрюх, лучше скажи.

Андрей перевёл взгляд на него.

— И ты туда же?

— Мы переживаем.

— Поздно.

Это слово прозвучало слишком спокойно.

Сергей шагнул ближе.

— Что значит поздно?

Андрей отошёл в квартиру.

— Ничего. Заходите, раз уж пришли.

Они вошли.

В комнате было душно. На столе лежали какие-то квитанции, старый ноутбук, пустая чашка, несколько скомканных листов. Сергей заметил, что один ящик шкафа приоткрыт, будто Андрей собирался что-то искать или прятать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.